

22 ИЮН 1955

## МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ

ТЕАТР  
ИЗ  
БЕЛЬГИИ

Москва избалована гастролерами. «Все флаги были к нам» — и британский, и французский, и итальянский. Но бельгийское театральное искусство представлено впервые.

Театр «Ридо де Брюссель» («Занавес Брюсселя») — один из ведущих в Бельгии. Он организован в 1943 году молодым актером Клодом Этьеном, который задался целью создать «активный» театр, стимулирующий творчество национальных драматургов. За 20 с лишним лет театром открыто много новых имен: это Ш. Бертен, П. Виллемс и др. При «Ридо де Брюссель» уже много лет работает школа, из стен которой вышли почти все лучшие актеры Бельгии.

Европейская известность «Ридо де Брюссель» вполне заслуженна. Она родилась из уважения перед высоким профессионализмом режиссуры и исполнения, перед интересным и разнообразным репертуаром (мировая классика, современная драматургия). Любопытная деталь: театр ставит «Униженных и оскорбленных» и «Братьев Карамазовых» по Ф. Достоевскому, пушкинского «Бориса Годунова», ряд чеховских спектаклей, из советских пьес — «Квадратуру круга» В. Катаева.

Однако начнем разговор о спектаклях, показанных в Москве.

Первый из них — «В моем доме дождь» Поля Виллемса, автора, «открытого» театром, и теперешнего директора Дворца изящных искусств (постоянного помещения «Ридо де Брюссель»). Напрасно было бы в нем искать четко очерченную сюжетную канву, реальный смысл происходящего. «Фокус» в том, чтобы связать кружева вымысла с резкими очертаниями повседневности.

Небольшое имение Гран Розьер в опасности. Наследница достояния предков Мадлен (Жаклин Бир) намерена продать обитель цветных отражений, журчащей воды, шелеста листвы и пения птиц. Жители «Забвения» — старчески мудрый Гюль (в обаятельном исполнении Люсьена Шарбонье), суховатая, манерная на первый взгляд, трогательно преданная защите имения Жермен (Сюзанна Гон), внучка старика Тун (Николь Вальберг), неловкий влюбленный Тома (Жерар Виван) — все они счастливы «без телевизоров, телефонов и электричества» и ни за что не хотят поменять свой мир на мир «измученных, застрахованных, перекормленных». Грезы побеждают деловитость и энергию Мадлен.

Следующим спектаклем была веселая комедия испанского драматурга Возрождения Тирсо ди Молина «Робкий во дворце». Здесь царствуют острая шутка, изящный жест, искреннее веселье. А главное, неподдельное увлечение актеров игрой «в невероятное» — двойную игру дон-Антонио (Клод Вольтер), отважно изображающего одновременно и самого себя, и своего несуществующего друга, озорную изобретательность

Мадлен (Жаклин Бир), завоевывающую робкого возлюбленного Мирено (Ральф де Манез), насмешливый скептицизм Серафины (в остроумном воплощении Даниэль Дени), едко пикирующей с глупым женихом, богачом д'Эстремосом (Ральф Дарбо)...

Постановка осуществлена Пьером Ларошем живо, темпераментно. Стилизованные декорации Рамона Ренара то оживляют действие красочными пятнами, то нарочито притушены. Живописный фон подчеркивает филигранную работу актеров.

Наконец, мы увидели еще один спектакль — «Генрих IV» (пьеса выдающегося итальянского драматурга Лунджо Пиранделло). Герой «Генриха IV» — своеобразный итальянский Гамлет. Сложнейшую, обремененную многочисленными монологами роль Генриха исполнял Клод Этьен — первый актер и директор театра.

Занавес пошел после нескольких традиционных ударов по подмосткам, открывая мнимый тронный зал мнимого германского императора. Словесная перепалка слуг — ряженых, одноликих и бесцветных, сменяется маскарадом вполне реальных лиц, тоже носящих игровые маски. Маски — это компромисс с окружающим миром. Тем миром, из которого был выброшен человек и в который он не захотел вернуться, посмотрев на него со стороны. Это и был скрывавшийся под маской сумасшедшего, вообразившего себя Генрихом IV, герой Клода Этьена. Он появляется среди маскарада смертельно бледный, нарочито загрифованный, с изломанной пластикой — человек, которому все позволено: он сумасшедший. Чужая Пиранделло, нелегко сразу догадаться, что сумасшествие героя — тоже маска, позволяющая безнаказанно разрушать все условности вне и внутри себя. У Клода Этьена «подвох» чувствуется сразу, и чем дальше, тем назойливее. Перед нами эффектная пластическая игра без тени актерского волнения. Подтекст исчезает. Судьба героя трактуется педантично и равнодушно. Это казалось бы не таким странным (ведь вполне в правилах театра то, что события заранее известны), если бы не обида за спокойствие и бесстрашие актера, которыми окрашен самый сильный момент роли, когда герой вторично оказывается на грани сознания и безумия. Клоду Этьену нельзя отказать в мастерстве и опыте. Однако трудно изменить своим симпатиям. Искусство «волноваться» за судьбу героя заражает и зрителей.

Каковы бы ни были впечатления от последнего спектакля брюссельского театра, общая картина вырисовывается интересной и разнообразной. Гастроли труппы «Ридо де Брюссель» познакомили москвичей со своеобразным репертуаром одного из лучших театров Бельгии, с его обаятельными актерами-мастерами.

А. ЗАСЛАВСКАЯ.